

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

ЛЕТА 6750 <1641> ОКТЯБРЯ ВЪ 28 ДЕНЬ ПРИЃХАЛИ
К ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
МИХАИЛУ ФЕОДОРОВИЧУ ВСЕА РОССИИ К МОСКВѢ З ДОНУ
ИЗ АЗОВА-ГОРОДА ДОНСКИЕ КАЗАКИ:
АТАМАНЪ КАЗАЧЕЙ НАУМ ВАСИЛЕВЪ* ДА ЯСАУЛЬ
ФЕДОРЪ ИВАНОВЪ. А С НИМ КАЗАКОВЪ 24 ЧЕЛОВѢКА,
КОТОРЫЕ СИДЕЛИ В АЗОВЕ-ГОРОДЕ ОТ ТУРОКЪ В ОСАДЕ.
И СИДЕНЬЮ СВОЕМУ ОСАДНОМУ ПРИВЕЗЛИ ОНЕ РОСПИСЬ¹.
А В РОСПИСИ ИХ ПИШЕТЪ:

В прошлом, де, во 149-м году июня въ 24 день* прислал турецкой Ибрагим салтанъ царь под насъ, казаковъ, четырех пашей своих, да дву своих полковниковъ, Капитана да Мустафу, да ближние *своей* тайные *думы*, покою своего слугу, да Ибремя-скопца над ними уже пашами смотрети вмѣсто себя, царя, — бою их и промыслу, как стануть промышлять паши его и полковники над Азовым городом. А с ними, пашами, прислал под насъ многую свою собранную рать бусурманскую, совокупя на насъ подручных своих двенадцать земель воинских людей, *переписаной* своей рати. По *спискам*, боевого люду двести тысящей, кроме поморских и кафимских и черных мужиков,* которые на сей стороне моря собраны изо всей орды крымские и нагайские*на загребение наше, чтобы насъ имъ живых загрести, засыпати бы насъ им горою высокою, какъ оне загребають люди персидские.* А себе бы имъ и тем смертию нашу учинить слава вечная, а нам бы укоризна вѣчная. Техъ собрано людей на насъ черных мужиковъ многия тысящи, и не бѣ числа им и писма². Да к ним же после пришелъ крымской царь, да брат ево народым Крым-Гирей царевич* со всею своею ордою крымскою и ногайскою; а с ним крымских и ногайских князей и мурзъ и татаръ ведомых, окромъ охотниковъ, 40 000. Да с ним, царемъ, пришло горскихъ князей и черкасъ ис Кабарды 10 000. Да с ними жъ, пашами, было наемных людей и у них немецких³ два полковника, а с ними салдаты 6000. Да с ними жъ, пашами, было для промысловъ над *нами* многие немецкие люди городоимцы⁴, приступные и подкопные мудрые вымышленники многих государствъ: ⁵из Реш еллинских и Опаней великия⁵, Винецеи великие и Стеколни⁶ и французски наршики⁷, которые дѣлать умѣють всякие приступные и подкопные мудрости и ядра огненные чиненыя. Наряду было с пашами пушокъ под Азовымъ великих болших ломовых 129 пушекъ. Ядра у нихъ были великия, в пуд, в полтора и в два пуда. Да мелко-

¹ донесение, описание; ² счета; ³ иноземных; ⁴ военные специалисты по взятию крепостей; ^{5—5} из греческого царства и великой Испании; ⁶ Стокгольма; ⁷ петардшики.

ва наряду было с ними всех пушекъ и тюфяковъ¹ 674 пушки, кроме ²верховых пушекъ огненныхъ²; техъ было верховых 32 пушки. А весь наряд былъ у них покованъ на цепях, боясь того, чтоб мы, на выласках вышед, ево не взяли. А было с пашами турецкими людей ево под нами розных земель: первые турки, вторые крымцы, третьи греки, четвертые серби, пятые арапы, шестые мужары³, седмые буданы, осмые башлаки, * девятые арнауты⁴, десятые волохи⁵, первые на десять митьяня⁶, второе на десять черкасы⁷, третье на десять немцы. И всего с пашами людей было под Азовым и с крымским царемъ по спискам их браново ратного мужика, кроме вымышленников⁸ немецъ и черных мужиковъ и охотников, 256 000 человекъ.

А збирался турецкой царь на насъ за моремъ и думал ровно четыре годы.* А на пятой год онъ *пашей* своих к намъ под Азовъ прислалъ.

Июня въ 24 день в ранней самой обедъ пришли к нам паши его и крымской царь, и наступили они великими турецкими силами. Все наши поля чистые от орды нагайския *изнасеяны*. Где у насъ была степь чистая, тутъ стали у насъ одним часомъ, людьми их многими, что великия непроходимыя лѣса темные. От силы их турецкие и от уристания⁹ конского земля у нас под Азовым погнулась и реки у насъ из Дону вода волны на берегу показала, уступила мѣсть своихъ, что в *водополи*¹⁰. Почали оне, турки, по полямъ у нас ставитца шатры свои турецкие и полатки многие и наметы¹¹ великие, яко горы страшные забелѣлися. Почали у них в полках их быть трубы болшия в трубы великия, игры многия, пiski великия несказанные, голосами страшными их бусурманскими. После того у них в полках их почала быть стрельба мушкетная и пушечная великая. Какъ есть стояла над нами страшная гроза небесная, будто молние, коль страшно громъ живеть от Владыки с небесе. От стрельбы их той огненной стоялъ огонь и дым до неба; все наши градские крепости потряслися от стрельбы ихъ огненные, и *солнце* померкло во дни том светлое, в кровь обратилось, какъ есть наступила тма темная. Страшно нам добре стало от них в те поры и трепетно и дивно несказанно на их стройной приход бусурманской было видѣти. Никакъ непостижимо уму человекѣскому в нашем возрасте того было услышати, не токмо что такую рать великую и страшную и собранную очима кому видети. Близостию самую оне к нам почали ставитца за полверсты малыя от Азова-города. Их янычарския головы строем их янычарским идутъ к нам оне под городъ великими болшими полки и купами на шаренки¹². Многие знамена у них, всех янычень¹³, великие, неизреченные, черные бѣ знамена. Набаты у них гремятъ, и в трубы трубятъ и в барабаны бѣют в великия ж несказанныя. Двенатцать их головъ янычарских. И пришли к нам, самую близостию к городу стекшися. Оне стали кругъ города до шем-

¹ орудий, стрелявших картечью; ^{2—2} мортир; ³ мадьяры; ⁴ албанцы; ⁵ жители Валахии; ⁶ молдаване; ⁷ черкесы; ⁸ искусников; ⁹ скакания; ¹⁰ в половодье; ¹¹ оборонительные приспособления; ¹² шеренги; ¹³ янычар.

пова в восемь рядовъ от Дону, захватя до моря рука за руку. Фитили у них у всех янычар кипят у мешкетовъ их, что свечи горять. А у всякого головы в полку янычаней по двенатцати тысящей. И все у них огненно, и платье на них, на всех головах яныческих, златоглавое, на янычанях на всех по збруям их одинакая красная, яко зоря кажется. Пищали у них у всех долгие турецкие з жаграми¹. А на главах у всех янычаней шишаки, яко звезды кажутся. Подобеньъ строй их строю салдацкому. Да с ними ж тутъ в ряд стали немецких два полковника с салдатами — в полку у них солдат 6000.

Того же дни на вечеръ, какъ пришли турки к нам под город, прислали к нам паши их турецкие толмачей своих бусурманских, *перских* и еллинских². А с ними, толмачами, прислали говорить с нами яныченскую голову первую от строю своего пехотного. Почал нам говорить голова их яныческой словом царя своего турецкого и от четырех пашей и от царя крымского речью гладкою:

«О, люди Божии Царя Небеснаго, никем в пустынях водимы или посылаемы! Яко орли парящи, без страха по воздуху летаѣте, и яко лви свирепи, в пустыняхъ водимы, рыкаете! Казачество донское и волское³, свирепое! Соседи наши ближние! Непостоянные нравы, лукавые! Вы пустынножителем лукавые убийцы, разбойницы непощадные! Несытые ваши очи! Неполное ваше чрево, николи не наполнится! *Кому* приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя турецкого. Не впрям еще вы на Руси богатыри светорусские? Где вы тепере можете утечи от *руки* ево? Прогневали вы *Муратъ*-салтанова величества, *царя турецкого*.* *Убили вы у него посла ево турецкого Фому Катузина,* съ нимъ побили вы армен и греченин. А посланъ онъ былъ к государю вашему.* Да вы ж взяли у него любимую ево цареву вотчину, славной и красной Азовъ-город. Напали вы на него, аки волцы гладные. Не пощадили вы в немъ никакова мужичска *возраста*, ни *старова* жива, и детей побили всех до единова. И положили вы тѣм на себя лютое имя звериное. *Разделили* государя царя турецкаго со всею ево ордою крымскою воровством своим и темъ Азовым-городомъ. А та у него орда крымская — оборона ево на все стороны. Страшная вторая: разлучили вы его с карабелним пристанищемъ. Затворили вы им, Азовым-городом, все море синѣе; не дали проходу по морю ни караблямъ, ни катаргам⁴ ни в которое царство, поморские городы. Согрубя вы такую грубость лютую, чего конца в немъ своего дожидаетесь? Очистите вотчину Азовъ-город в ночь сию не мешкая. Что есть у васъ в немъ вашего серебра и злата, то понесите из Азова-города вонъ с собою в городки свои казачьи без страха к своим товарищам. А на отходе ничем не тронемъ васъ.

А естли толко вы из Азова-города в ношь сию не выйдете, не можете ужъ завтра у насъ живы быти. И кто васъ можетъ, злодеи убийцы, укрыть или заступитъ от руки ево *такіе* сильные и от великих таких страшных и непобеди-

¹ с пальниками; ² греческих; ³ волжское; ⁴ гребным судам.

мыхъ силъ его, царя восточного турского? Кто ¹постоить ему! Нестъ никоу равна или ему подобна величеством и силами на свете! Единому лише повинень онъ Богу небесному. Единъ онъ лишь верень стражъ гроба Божия! По воле жъ Божией избра его Богъ единаго на свете ото всех царей. ²Промышляйте в ношь сию животомъ своимъ². Не умрете от руки ево, царя турскаго, смертью лютою. Своею онъ волею великой государь восточной, турской царь, не убийца николи вашему брату, вору, казаку-разбойнику. Ему то, царю, честь достойная, что победить гдѣ царя великого, равнаго своей чести, а ваша ему не дорога кровь разбойничья. А если уже пересидите в Азове-городе ношь сию чрезъ цареву такую милостивую речъ и *заповеть, примем* завтра град Азовъ и васъ в нем воров-разбойниковъ, яко птицу в руже свои. Отдадим васъ, воровъ, на муки лютые и грозные. Раздробим всю плоть вашу на крошки дробные. Хотя бы васъ, воровъ, в немъ сидѣло 40 000, ино силы под васъ прислано с пашами болши 300 000! Волосовъ вашихъ столко нетъ на главах ваших, *сколко* силы турския под Азовом-городом. Видите вы и сами, воры глупые, очима своима силу ево великую, неизреченную, какъ оне покрыли всю степь великую! Не могутъ, чаю, с высоты города очи ваши видеть другова краю силъ нашихъ, однехъ писмянных³. Не перелетитъ чрезъ силу нашу турецкую никакова птица парящая: от страху людей ево и от множества сил наших валитца вся с высоты на землю! И то вамъ, воромъ, даеть ведать, что от царства вашего силнаго Московскаго никаковъ от человекъ к вам не будетъ русских помощи и выручки.* На што вы надежны, воры глупые? И запасу хлебного с Руси николи к вам не присылають. А если толко вы служить похочете, казачество свирѣпое, государю царю волному рать салтанову величеству, толко принесете ему, царю, винные⁴ свои головы разбойничьи в повиновение на службу вѣчную, отпустить вамъ государь нашъ турецкой царь и паши ево все ваши казачьи грубости прежние и нынешнее взятье азовское. Пожалуетъ нашъ государь, турецкой царь, васъ, казаковъ, честью великою. Обогатитъ васъ, казаковъ, онъ, государь, многим неизреченным богатством. Учинит вамъ, казакомъ, онъ, государь, во Цареграде у себя покой великий. Во веки положить на васъ, на всех казаковъ, платье златоглавое и печати богатырские з золотом, с царевым клеймом своим. Всякъ возрастъ вам, казаком, в государеве ево Цареграде будутъ кланяться. *Станетъ* то ваша казачья слава вечная во все край от востока и до запада. Станутъ васъ называть во веки все орды бусурманские, и енычены, и персидские, светорускими богатыри, што не устрашилися вы, казаки, такими своими людьми малыми, с семью тысящи, страшныхъ таких непобѣдимых силъ царя турского — 300 000 писмянныхъ. Дождалися ихъ вы к себѣ *полкы* под город. Каковъ пред вами, казаками, славенъ и силенъ и многолюденъ и богатъ шах, персицкой царь. Владѣетъ онъ всею великою Персидою и

¹—1 устоит перед ним; ²—2 так спасайте нынешней ночью жизнь свою; ³ сосчитанных;

⁴ повинные.

богатою Индеею; имѣть у себя рати многия, яко нашъ государь турецкой царь. И тотъ шах, персидской царь, впрям не стоит николи на полѣ противу сильного царя турскаго. И не сидятъ люди ево персидские противу насъ, турок,* многими тысящи в городех своих, ведая оне наше свирепство и бестрашие».

Отвѣтъ нашъ казачей из Азова-города толмачем и голове яныческому:

«Видимъ всѣх васъ и до *сех* мѣсть про васъ вѣдаем же, силы и *пыхи*¹ царя турскаго все знаем мы. И ведаемся мы с вами, турскими, почасту на море и за морем на сухом пути. Знакомы уж намъ ваши силы турецкия. Ждали мы васъ въ гости к себѣ под Азовъ дни многіе. Гдѣ, полно, вашъ Ибрагим, турецкой царь, умъ свой дѣвал? Али у него, царя, не стало за морем серебра и золота, что онъ прислалъ под насъ, казаковъ, для кровавых казачьих зипуновъ* наших, четырех пашей своих, а с ними, сказываютъ, что прислал под насъ рати своя турецкия 300 000. То мы и сами видим впрямъ и вѣдаем, что есть столко силы ево под нами, с триста тысящъ люду боевого, окроме мужика черново. Да на насъ же нанялъ онъ, вашъ турецкой царь, ис четырех *земель* немецких салдатъ шесть тысящ да многіхъ мудрых подкопщиковъ, а дал имъ за то казну свою великую. И то вамъ, туркомъ, самим вѣдомо, што с насъ по се поры никто наших зипуновъ даром не имывал. Хотя онъ насъ, турецкой царь, и взятемъ возьметъ в Азове-городе такими своими великими турецкими силами, людами наемными, умом немецким, промыслом, а не своим царевым *дородством* и разумом, неболшая то честь будетъ царя турскаго имяни, что возьметъ насъ, казаковъ, в Азове-городе. Не изведетъ онъ тѣм казачья прозвища, не запуститъ Донъ головами нашими.² На взыскание наше² молотцы з Дону все будутъ. Пашам вашимъ от них за море итти! Естли толко насъ избавить Богъ от руки ево сильныя такая, отсидимся толко от васъ в осаде в Азове-городе от великих таких сил его, от трехсотъ тысящей, людами своими такими малыми (всево насъ казаковъ во Азове сидит отборных оружных 7590), — соромота ему будетъ, царю вашему, вечная от ево братии и от всех царей. Назвал онъ самъ себя, будто онъ выше земныхъ царей. А мы люди Божии, надежда у насъ вся на Бога, и на Мать Божию Богородицу, и на их угодниковъ, и на свою братью-товарыщей, которые у насъ по Дону в городках живутъ.

А холопи мы природные государя царя христианскаго* царства Московскаго. Прозвище наше вечное — казачество великое донское безстрашное. Станем с ним, царемъ, турским, битца, что с худым свиным наемником. Мы себе, казачество волное, укупаемъ смерть в живота мѣста. Гдѣ бывають рати ваши великия, *тут ложатся* трупы многія. Вѣдомы мы людии — не шаха персидскаго. Ихъ то вы что жонокъ *засыпаете* в городех их горами высокими. Хотя насъ, казаковъ, сидитъ сем тысящей пятьсот девяносто человекъ, а за помощію Божіею не боимся великих ваших царя турскаго трехсотъ тысящей и немецких

¹ угрозы; ^{2—2} отомстить за нас.

промысловъ. Гордому ему бусурману, царю турецкому, и пашам вашим Богъ противитца за ево такие слова высокие. Равенъ он, собака смрадная, вашъ турецкой царь, Богу небесному пишется. Не положил онъ, бусурманъ поганой и скаредной, Бога себѣ помощника. Обнадежился онъ на свое великое тлѣнное богатство. Вознесъ сотона, отец ево, гордостию до неба, а пустить ево за то Богъ с высоты в бѣздну вовеки. От нашей ему казачьей руки *малыя* соромота будетъ вѣчная, царю. Гдѣ ево рати великия топеря в полях у насъ ревут и славятца¹, завтра тутъ лягутъ люди ево от насъ *под* градомъ и трупы многия. Покажетъ насъ Богъ за наше смирение христианское перед вами, собаками, яко лвов яростных. Давно у насъ, в полях наших летаючи, а васъ ожидаючи, хлечтут орлы сизые и грають вороны черные, подле Дону у насъ всегда брешуть лисицы бурые, а все они ожидаючи вашего трупу бусурманского. Накормили вы их головами вашими, какъ у турецкого *царя* Азовъ взяли, а топере им опять хочется плоти вашей, накормим ужъ их вами досыти.

Азовъ мы взяли у него, царя турецкаго, не татиным² ветъ промыслом — впрямъ взятъем, дородством своим и разумом для опыту, каковы ево люди турецкие в городех от насъ сидеть. А сели мы в немъ людьми малыми ж, разделясь нарокомъ³ надвое, для опыту, посмотрим турецких силъ ваших и умов и промыслов. А все то мы применяемъ къ Ерусалиму и Царюграду. Лучитца нам такъ взять у васъ Царьград. То царство было христианское.*

Да вы ж насъ, бусурманы, пужаете, что с Руси не будетъ к нам запасов и выручки, будто к вам, бусурманом, из государства Московскога про насъ то писано. И мы про то сами ж и без васъ, собакъ, вѣдаемъ: какие мы в государстве Московском на Руси люди дорогие и к чему мы там надобны! Чередъ мы свой с вами вѣдаемъ. Государство великое и пространное Московское многолюдное, сияеть оно посреди всех государствъ и ордъ бусурманских и *еллинских* и персидских, яко солнце. Не почитаютъ насъ там на Руси и за пса смердящаго. Отбегохом⁴ мы ис того государства Московскога из работы вечныя, от холопства полного, от бояръ и дворянъ государевых, да zde вселилися в пустыни непроходные. Живем, взирая на Бога. Кому там потужить об нас, ради там все концу нашему! А запасы к нам хлѣбные не бывають с Руси николи. Кормить насъ, молотцов, Небесный Царь на поле своею милостию, зверьми дивиими⁵ да морскою рыбою. Питаемъ, яко птицы небесные: ни сеемъ, ни оремъ⁶, ни збираемъ в житницы. Такъ питаемъ подле моря синяго. А сребро и золото за моремъ у васъ емлемъ. А жены себѣ красныя лѣбые, выбираючи, от вас же водим.*

А се мы у васъ взяли Азовъ-город своею казачьею волею, а не государским повелением, для *зипунов* своихъ казачьих да для лютых *пых ваших*⁷. И за то на насъ государь нашъ, холопей своихъ далних, добре кручиновать. Боимся от него, государя царя, за то казни к себѣ смертныя, за взятыя азовское. И государь

¹ бахвалятся; ² воровским; ³ нарочно; ⁴ убежали; ⁵ дикими; ⁶ пашем; ⁷ злопыхательств.

нашъ, великой, пресветлой и праведной царь, великий князь Михайло Феодоровичъ, всеа Русии самодержецъ, многих государствъ и ордь государь и обладатель. Много у него, государя царя, на великом холопстве таких бусурманских царей служатъ ему, государю царю, какъ вашъ Ибрагимъ турецкой царь, коли онъ, государь нашъ, великой пресвѣтлой царь, чинить по преданию святых отецъ, не желаетъ разлития кровѣ вашае бусурманския. Полон государь и богатъ от Бога жъ данными своими и царскими оброками и без вашего смраднago бусурманского и собачья богатства. А естли на то было тако ево государское повеление, восхотел бы толко онъ, великой государь, кровей вашихъ бусурманских разлития и городам вашимъ бусурманским разорения за ваше бусурманское к нему, государю, неисправление¹, хотя бы онъ, государь нашъ, на васъ на всехъ бусурмановъ велелъ быть войною своею украиною, которая сидит у него, государя, от Поля, от орды нагайские,* — ино б и тутъ собралося людей ево государевыхъ русскихъ с одной ево украины болши легеона тысящи! Да такие ево государевы люди руские украинцы, что оне подобны на вас и алчны вам, яко лвы яростные, хотятъ поясть живу вашу плоть бусурманскую. Да держить их и не повелить им на то ево десница царская, и в городех во всех под страхом смертным за царевымъ повелениемъ держать их воеводы государевы. Не скрылся бы ваш Ибрагим, царь турецкой, от руки ево государевой и от жестокосердия людей ево государевых и во утробе матери своей — и оттуду бы ево, распоров, собаку, выняли да пред лицомъ царевым поставили. Не защитило бы ево, царя турецкого, от руки ево государевой и от ево десницы высокие и море бы Синее, не удержало людей его государевых! Было бы за ним, государемъ, однемъ лѣтом Ерусалимъ и Царьгород попрержнему, а в городех бы турецких во всехъ вашихъ не устоялъ и камень на камени от промыслу руского. Вы ж нас зовете словом царя турецкого, чтобы нам служить ему, царю турецкому, а сулите намъ от него честь великую и богатство многое. И мы люди Божии, холопи государя царя московского, а се нарицаемся по крещению християня православные. Какъ можемъ служить царю неверному! Оставя пресветлой светъ здешной и будущей, во тму итти не хочетца! Будетъ мы ему, царю турецкому, в слуги толко надобны, и мы, отсидевся и одны от васъ и от силъ ваших, побываем у него, царя, за моремъ, под ево Царемъ-градом, посмотрим ево Царя-града строения, кровей своих; там с ним, царем турецким, переговорим речь всякую, лишъ бы ему наша казачья речь полюбилась! Станем ему служить пищалями казачьими да своими саблями вострыми! А топерво нам говорить не с кем, с пашами вашими. Какъ *предки* ваши, бусурманы, учинили над *Царем-градом* — взяли ево взятьем, убили в нем государя-царя храброго Костянтина благовернаго,* побили християнъ в немъ многие тысящи-тмы, обагрили кровию нашею християнскою все пороги *церковныя*, до конца искоренили *всю* веру християнскую, — такъ бы намъ над вами учинить

¹ непослушание.

нынече с обрасца вашего! Взять бы его, Царь-град, возьмем из рукъ ваших. Убить бы против того в нем вашего Ибрагима, царя турского, и со всеми вашими бусурманы, пролить бы такъ ваша кровь бусурманская нечистая. Тогда бы то у насъ с вами миръ былъ в том месте. А тепере нам и говорить с вами болше того нечего, что мы твердо вѣдаемъ.

А что вы от насъ слышите, то скажите речь нашу пашамъ своим. Нельзя нам мирится или верится, бусурману с христианином какое преобращение! Христианинъ побожится душою христианскою, да на той онъ правде векъ стоитъ. А вашъ братъ, бусурманъ, побожится верою бусурманскою, а вера ваша бусурманская и житье ваше татарское равно з бешеною сабакою. Ино чему вашему брату-собаке верити! Ради мы васъ завтра подчивать, чемъ у насъ молотцовъ в Азове Богъ послалъ. Поезжайте от насъ к своим глупым пашам, не мешкая. А опять к нам с такою глупою речью не ѣздите. Оманивать вам насъ, ино даромъ лише дни терять! А кто к *нам* от *вас* с такою речью глупою опять впредь буде, тому у насъ под стеною убиту быть! Промышляйте вы тем, для чего вы от царя турского к нам присланы. Мы у вас Азов взяли головами своими молодецкими, людьми немногими. А вы ево у насъ ис казачьих рук достапаете¹ уже головами турецкими, многими своими тысеци. Кому-то из нас поможет Бог? Потерять вам под Азовым турецких головъ своих многие тысеци, а не видать ево вам из рукъ наших казачьих и до веку. Нешто ево, отнявъ у насъ, холопей своих, государь нашъ царь и великий князь Михайло Феодоровичъ, всеа России самодержецъ, да васъ им, собакъ, пожалуетъ по-прежнему, то уже вашъ будетъ. На то ево воля государева!»

Какъ от Азова-города голова и толмачи приехали в силы своя турецкия к пашамъ своимъ, и начаша в рати у них трубить в трубы великия собранные. После той их трубы почали у них *бить* в грамады² их великия и набаты *и в роги и в цебылги*³ почали играть добре жалостно.

А все разбирались оне в полках своих и строилися ночь всю до свету. Какъ на дворе в часу уже дни, почали выступать из становъ своих силы турецкия. Знамена их зацвели на поле и прапоры, какъ есть по полю цветы многия. От труб великих и набатовъ их пошел неизреченной звукъ дивенъ и страшень.

Приход их к нам под город. Пришли к приступу немецкие два полковника с салдатами. За ними пришелъ строй их весь пехотной яныческой — сто пятьдесят тысець, потом и орда их вся пехотою ко граду и к приступу, крикнули стол смело и жестоко.

Приход их первой. Приклонили к нам они все знамена свои ко граду. Покрыли нашъ Азов-город знаменами весь. Почали башни и стены топорами сечь. А на стены многия по лесницам в те поры взошли. Уже у нас стала стрелба из града осаднаго, до тех местъ молчали им. Во огни уже и в дыму не *мочно* у нас

¹ добиваетесь; ² орудия; ³ цимбалы.

видети другъ друга. На обе стороны лише огнь да громъ от стрелбы стоял, огнь да дым топился до небеси. Какъ то есть стояла страшная гроза небесная, коли бываетъ с небеси гром страшный с молниемъ. Которые у насъ подкопы отведены были за город для их приступного времени, и те наши подкопы тайные все от множества их неизреченныхъ силъ не устояли, все обвалились, не удержала силы их земля. На тех-то пропастьяхъ побито турецкия силы от насъ многия тысящи. Приведень¹ у насъ был весь наряд на то место подкопное и набить былъ онъ у насъ весь дробом сеченым. Убито у них под стеною города на приступе том в тот первой день турковъ шесть головъ однехъ яныческих да два немецкия полковника со всеми своими салдатами съ шестью тысящи. В тот же день, вышедъ, мы вынесли большое знаме на выласке, царя турскаго,* с коим паши ево перво приступали к нам турецкие тотъ первой день всеми людьми своими до самой уже ночи и зорю всю вечернюю. Убито у них в тот первой день от насъ под городом, кроме шти² головъ их яныческих и дву полковников, одних янычаней³ дватцать полтрети тысящи³, кроме раненыхъ.

На другой день в зору светлую опять к нам турецкие под город прислали толмачей своих, чтоб нам дати им отобрати от града побитой их трупъ, который у нас побить под Азовом, под стеною города. А давали нам за всякую убитую яныческу голову по золотому червонному, а за полковниковы головы давали по сту талеров. И войском⁴ за то не постояли им⁴, не взяли у них за битые головы серебра и золота: «Не продаем мы никогда трупу мертваго, но дорога нам слава вечная. То вам от нас из Азова-города, собакам, игрушка первая. Лише мы молотцы ружье свое почистили. Всем то вам, бусурманам, от насъ будет! Иным нам васъ нечемъ подчивать, дело у насъ осадное!»

В тот другой день бою у нас с ними не было. Отбирали они свой побитой трупъ до самой до ночи. Выкопали ему, трупу своему, глубокой ровъ от города три версты и засыпали ево тут горою высокою и поставили над ними многие признаки⁵ бусурманские, и подписаны на них языки розными.

После того в третей день опять оне к нам, турки, пришли под город со всеми своими силами, толко стали уже вдали от насъ, а приступу к нам уже не было. Зачали ж их люди пешие в тот день вести к нам гору высокою, замляной великой вал, выше многим Азова-города. Тою горою высокою хотели нас покрыть в Азове-городе своими великими турецкими силами. Привели ее в три дни к нам; и мы, видя ту гору высокою, горе свое вечное, что от нее наша смерть будетъ, попрося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи и у Предотечина образа,* и призывая на помощь чудотворцы московские, и учиня межъ себя мы надгробное последнее прощение другъ з другом и со всеми христианы православными, малою своею дружиною седмью тысящи пошли мы из града на пря-

¹ приготовлен; ² шести; ^{3—3} двадцать две с половиной тысящи; ^{4—4} не приняли их предложения; ⁵ здесь: надгробия.

мой бой противу их трехсот тысящъ. «Господь Сотворитель, Небесный Царь, не выдай нечестивым создания рукъ своих! Видим оних сил пред лицом смерть свою лютую. Хотят насъ живых покрыть горою высокою, видя пустоту¹ нашу и безсиліе, что нас в пустынях покинули все христиане православные, убоялися их лица страшнаго и великия ихъ силы турецкия. А мы, бедныя, не отчаяли от себя твоея владычни милости, ведая твоя щедроты великия. За твоею Божиею помощію, за вѣру христианскую помираючи, бьемся противу болших людей трехсот тысящъ и за церкви Божия, за все государство Московское и за имя царское!»

²Положа на себя все образы смертныя², выходили к ним на бой, единодушно все мы крикнули, вышед к ним: «С нами Богъ! Разумейте, языцы неверные, и покоритесь, яко с нами Богъ!»*

Услышали неверные изо усть наших то слово, что с нами Богъ, не устоял впрям ни одинъ противъ лица нашего, побежали все и от горы своей высокия. Побили мы их в тот часъ множество, многія тысящи. Взяли мы у них в те поры на выходу, на том бою у той горы, шеснатцать знаменъ одних яныческих да дватцать восьмъ бочекъ пороху. Тем то их мы порохом, подкопався под ту их гору высокую, да тем порохом разбросали всю ее. Их же побил ою многія тысящи, и к нам их янычана тем нашим подкопом живых их в город кинуло тысячу пятсот человекъ!

Да уж мудрость земная их с тех местъ миновалася. Повели уже они другую гору позади ее, болши тово. В длину ее повели *лучных* стрелбища в три, а в вышину многим выше Азова-города, а широта ей — какъ бросить на нее дважды камнем. На той-то уже горе оне поставили весь нарядъ свой пушечной и пехоту привели всю свою турецкую, сто пятьдесят тысящъ, и орду нагайскую всю с лошадей збили. И почели с той горы из наряду бить оне по Азову-городу день и ношъ беспрестанно. От пушекъ, их *страшный* громъ стал, огонь и дымъ топился от них до неба. Шеснадцать дней и шеснатцать ношей не премолкъ наряд их ни на единой час пушечной. В те дни и ноши от стрелбы их пушечной все наши азовскіе крепости распалися — стены, и башни все, и церковь Предотечева, и полаты збили все до единые у нас по подошву самую.

А и наряд нашъ пушечной переломали *весь*. Одна лише у насъ во всем Азове-городе церковь Николина в *полы*³ осталась, потому и осталася, што она стояла внизу добръ, к морю под гору. А мы от них сидѣли по ямам. Всем выглянуть нам изъ ямъ не дали. И мы в те поры зделали себѣ покои великия в земле под ними, под их валом, дворы себе потайные великие. И с тех мы потайных дворовъ своих под них повели 28 подкоповъ, под их таборы. И темъ мы подкопами учинили себѣ помощъ, избаву великую. Выходили ношною порою на ихъ пехоты янычана, и побили мы множество. Теми своими выласками ношными на их пехо-

¹ малочисленность; ²—² исполнив все обряды предсмертные; ³ наполовину.

ту турецкую положили мы на них великой страх и уронъ большой учинили мы в людех их. И послѣ того паши турецкия, глядя на наши те подкопные мудрые осадные промыслы, повели уже к нам напроотиву из своево табору семь подкоповъ своих. И хотели оне к нам теми подкопами *пройти* въ ямы наши, да насъ подавять своими людьми велиими. И мы милостию Божиею устерегли все те подкопы их, порохом всехъ их взорвало, и их же мы в них подвалили многие тысячи. И с тех то местъ подкопная и мудрость *вся* миновалась. Постыли уж им те подкопные промыслы.

А было всех от турокъ приступов к намъ под город Азовъ 24 *приступа* всеми людьми. Окромъ болшова приступа первого, такова жестока и смела приступу не бывало к нам. Ножами мы с ними резались в тотъ приступъ. Почали к нам ужъ оне метать въ ямы наши ядра огненные чиненые и всякие немецкие приступные мудрости. Темъ нам они чинили пуще приступовъ тесноты¹ великие. Побивали многих насъ и опаливали. А после тех ядръ уж огненных, вымысля над нами умом своим, отставя же они все свои мудрости, почали оне насъ осиливать и достигать прямым боемъ своими силами.

Почали они к нам приступу посылать на всякъ день людей своихъ, янычю. По десяти тысящей приступають к нам целой день до ноши, и ношь придетъ, на перемену им придетъ другая десять тысящъ. И те уж к намъ приступають ношь всю до свету. Ни часу единого не дадутъ покою нам. А оне бьются с перемѣною день и ношь, чтобы тою истомою осилеть насъ. И от такова их к себе зла и ухищренного промыслу, от *бессония* и от тяжких ранъ своих, и от всякихъ лютых нуждъ, и от духу смрадного труплова отягчели мы все и изнемогли болезнями лютыми осадными. А все в малъ дружине своей уж остались, перемнитца некъм, ни на единый час отдохнуть нам не дадутъ. В те поры отчаяли уже мы весь животъ свой и в Азове-городе и о выручке своей безнадежны стали от челоуѣкъ, толко себе и чая помощи от вышняго Бога. Прибежим, бедные, к своему лишь помощнику — Предотечеву образу. Пред ним, свѣтом, расплачемся слезами горкими: «Государь-светъ помощникъ нашъ, Предотеча Иванъ, по твоему, светову, явлению разорили мы гнездо змиево, взяли Азовъ-город. Побили мы в нем всех христианских мучителей, идолослужителей. Твой, свѣтовъ, и Николинъ дом* очистили, и украсили мы ваши чудотворные образы от своих грешных и недостойных рукъ. Бес пения² у насъ по се поры перед вашими образы не бывало. А мы васъ, световъ, прогневали чем, что опять идете в руки бусурманские? На вас мы, свѣтовъ, надеяся, в осаде в нем сели, оставя всех своих товарищевъ. А топере от *турок* видим впрям смерть свою. Поморили насъ безсониемъ; дни и ноши безпрестани с ними мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулись, и руки наши от обороны уж не служатъ нам, замертвели. Уж от истомы очи наши не глядятъ, ужъ от беспрестанной стрелбы глаза наши выжгли, в них

¹ утеснения; ² без богослужения, молебнов, молитв.

стреляючи порохом. Языкъ ушь нашъ во устнах наших не воротитца на бусурманъ закрывать. Таково наше безсиліе: не можемъ в руках своих никакова оружія держать! Почитаем мы ужъ себя за мертвой труп. З два дни, чаю, уже не будет в осаде сидения нашего. Топере мы, бедные, роставаемся с вашими иконы чудотворными и со всеми христианы православными: не бывать уж намъ на святой Руси! А смерть наша грешничья в пустынях за ваши иконы чудотворныя, и за вѣру христианскую, и за имя царское, и за все царство Московское». Почали прощатися: «Прости насъ, холопей своих грѣшных, государь нашъ православной царь Михайло Федоровичъ всеа Руси! Вели наши помянуть души грешныя! Простите, государи вы патриархи вселенские! Простите, государи все митрополиты, и архиепископы, и епископы! И простите, все архимандриты и игумены! Простите, государи, все протопопы, и священницы, и дьяконы! Простите, государи, все христианы православные! И поминайте души наши грешные с родителями! Не позорны ничемъ государству Московскому! Мысля мы, бѣдныя, умом своим, чтобы умереть не въ ямах нам и по смерти бы учинить слава добрая».

Поднявъ на руки иконы чудотворныя — Предотечеву и Николину — да пошли с ними противъ бусурманъ на выласку. Их милостию явною побили мы их на выласке, вдруг *вышед*, шесть тысящей. И, видя то, люди турецкия, што стоит над нами милость Божия, што ничем осилѣть недоумѣють нас, с тех-то мѣсть не почали ужъ присылать к приступу к нам людей своих. От тех смертных ранъ и от истомы их отдохнули в те поры.

После тово бою, три дни оне погода, опять их толмачи почали к намъ кричать, чтобы им говорити с нами. У насъ с ними ужъ речи не было, потому и языкъ нашъ от истомы нашей во устах наших не воротится! И оне к нам на стрелах почали ерлыки метать. А в нихъ оне пишутъ к нам, просятъ у насъ пустова места азовского. А дають за него нам выкупу на всякого молотца по триста тарелей¹ сребра чистаго да по двести тарелей золота красного. «А в том вам паши наши и полковники сердитують² душею турецкою, вѣть што ныне на отходе ничем не тронуть васъ. Подите с серебром и з золотом в городки свое и к своим товарыщемъ, а нам лише отдайте пустое мѣсто азовское».

А мы к ним напротиву пишем: «Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, у насъ в Азове и на Дону своево много. То намъ, молодцамъ, дорого надобно, чтобы наша была слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкия. Сперва мы сказали вам: дадим мы вам про себя знать и ведать паметно на веки вековъ. *Во все* край бусурманские штобы вам было казать, пришед от насъ, за морем царю своему турецкому глупому, каково приступить х казаку рускому. А сколько вы у насъ в Азове-городе разбили кирпичу и камени, столко ужъ взяли мы у васъ турецких головъ ваших за порчу азовскую. В головах ваших да костях ваших складемъ Азовъ-город лутче прежнева! Проте-

¹ талеров; ² присягают.

четь наша слава молодецкая во веки по всему свету, что складем города в головах ваших. Нашол вашъ турецкой царь себе позоръ и укоризну до веку. Станемъ с нево имать по всякой год уж *вшестеро*». После тово уж нам от них полехчело, приступу уж не бывало к нам. Сметилися в своих силах, што их под Азовым побито многие тысящи.

А в сиденье свое осадное имели мы, грешные, постъ в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную. Многие от насъ люди, искусные в осаде, то видели во сне, и вне сна, ово¹ жену прекрасну и свѣтолепну, на воздухе стояще посреди града Азова, ини — мужа ²древна власы², в светлых ризах, взираючи на полки бусурманския. Ино та насъ *Мать Божия Богородица* не предала в руке бусурманския, и на них нам помощь явно дающе, вслух *нам* многим *глаголюще* умильным гласомъ: «Мужайтесь, казаки, а не ужасайтесь! Сей бо град Азовъ от беззаконных агарянь³ *зловерием* их обруганъ⁴, и суровством их нечестивым престоль Предотечинъ и Николинъ оскверненъ. Не токмо землю в Азове или престолы оскверниша, но и воздух над ним отемниша, торжище тут и мучительство христианское учиниша, разлучаша мужей от законных женъ, сыны и дщери разлучаху от отцовъ и от матерей.* И от многово того плача и рыдания земля вся христианская от них стонаху. А о чистых девах и о непорочных вдовах и о сущих младенць безгрешных и уста моя не могутъ изрещи, на их обругания смотря. И услыша Богъ моления ихъ и плачь. Виде создание рукъ своих, православных христианъ, зле погибающе, дал вам на бусурман отомщение, предал вам град сей и их в руке ваши. Не рекутъ нечестивыи: „Где есть Богъ вашъ христиански?“ И вы, братие, не пецытесь⁵, отжените⁶ весь страх от себя, не поясть вас никой бусурманской мечъ. Положите упование на Бога, примите венець нетлѣнной от Христа, а души ваши приметъ Богъ, имате царствовати со Христом во веки».

Атаманы многие ж видели: от образа Ивана Предотечи течаху от очей ево слезы многия по вся приступы. А первой день, приступное во время, видехъ ломпаду полну слезъ от ево образа. А на *выласках* от насъ из города все видеша бусурманы — турки, крымцы и нагаи — мужа храбра и млада в одеже *ратной*, с одним мечемъ голым на бою ходяще, множество бусурманъ побиваше. А наши не *видели*. Лишо мы ⁷противу убитому⁷ знаемъ, што дѣло Божие, а не рукъ наших: пластаны люди турецкие, а сечены наполю⁸. Послана на нихъ побѣда с небеси! И оне о том насъ, бусурманы, многожды спрашивали: «Хто от васъ выходитъ из града на бой с мечемъ?» И мы им сказываемъ: «То выходят воеводы наши».

А всего нашего сидения в Азове от турокъ в осаде было июня зъ 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году. И всего в осаде сидели мы 93 дни и

¹ одни; ^{2–2} седовласого; ³ магометан; ⁴ поруган; ⁵ отложите попечение; ⁶ отриньте; ^{7–7} по убитым; ⁸ надвое.

93 ноши. А сентября въ 26 день в ноши от Азова-города турецкие паши с турки и крымской царь со всеми силами за четыре часа до свету, возмятась окаянные и вострепетась, побѣжали, никем нами гоними. С вечным позором пошли паши турецкие к себѣ за море, а крымской царь пошел в орду к себѣ, черкасы пошли в Кабарду свою, нагаи пошли в улусы всѣ. И мы, какъ слышали отходъ ихъ ис табаровъ, ходило насъ, казаковъ, в те поры на таборы ихъ тысяча человекъ. А взяли мы у них в таборех в тое пору языковъ, турокъ и татаръ живых, четыреста человекъ, а болних и раненых застали мы з две тысячи.

И нам тѣя языки в роспросех и с пыток говорили все единодушно, отчево в ноши побѣжали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами: «В ноши в той с вечера было нам страшное видение. На небеси, над нашими полки бусурманскими, шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она противъ самага табору нашего. А перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держатъ мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские. В те поры мы ихъ всех узнали. И тою нощию страшные воеводы азовские *во одежде ратной* выходили на бой в приступы наши из Азова-города. Пластали нас и в збруяхъ¹ наших надвое. От тово-то страшного видения *бег пашей турецких и царя крымского с табаровъ*».

А нам, казакам, в ту же ношь, с вечера в виде се всемъ виделось: по валу бусурманскому, гдѣ их наряд стоялъ, ходили тутъ два мужа лѣты древны. На одном — одежда иерейская, а на другом — власяница мохнатая. А указываютъ нам на полки бусурманские, а говорятъ нам: «Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис таборъ. И пришла на них побѣда Христа, Сына Божия, с небесъ и от силы Божия».

Да нам же сказывали языки те про изронъ людей своих, что их побито от рукъ наших под Азовом-городом. Письмяново люду побито одних у них мурзь и татаръ, яныченъ их, девяносто шесть тысящъ, окроме мужика черного и охотника техъ янычанъ. А насъ всех казаковъ в осаде село в Азове толко 7367-м человекъ. А которые остались мы, холопи государевы, и от осады той, то все переранены, нетъ у насъ человекъ целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидечи, за имя Божие и за вѣру христианскую. А топере мы войском всем у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси просим милости, сиделцы азовские и которые по Дону и в городках своих живутъ, холопей своих чтобы пожаловал и чтобы велѣл у насъ принять с рукъ наших ту свою государеву вотчину — Азов-город, для свѣтого Предотечина и Николина образовъ, и што им, светом, годно тут. Сем Азовым-городом заступит онъ, государь, от войны всю свою украину, не будетъ войны от татаръ и во веки, какъ сядут в Азове-городе.

¹ доспехах.

А мы холопи ево, которые остались у осаду азовския силы, все уже мы старцы увечные, с промыслу и з бою ужъ не будетъ насъ. А се обещание всех нас Предотечева образа: в монастыре ево постричися, принять образъ мнишески. За него, государя, станем Бога молить до веку и за ево государьское благородие. Ево-то государьскою обороною оборонил нас Богъ, верою, от таких великих турецких сил, а не нашим то молодецким мужеством и промыслом. А буде государь насъ, холопей своих далних, не пожалуетъ, не велить у насъ принять с рукъ наших Азова-города, заплакавъ, нам ево покинути! Подимем мы, грешные, икону Предотечеву да и пойдем с ним, светом, где нам онъ велить. Атамана своего пострижем у ево образа, тот у насъ над нами будетъ игуменомъ. А ясаула пострижем, тот у нас над нами будет строителем¹. А мы, бедные, хотя дряхлые все, а не отступим от ево Предотечева образа, помремъ все тут до единова. Будеть во веки *славна* лавра Предотечева.

И после тех же атамановъ и казаков, что им надобно в Азовъ для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зелия, 10 000 мушкетов, а денегъ на то на все надобно 221 000 рублевъ.

Нынешняго 150 году по прошению и по присылки турецкого Ибрагима салтана царя, он, государь царь и великий князь Михайло Феодоровичь, пожаловал турецкого Ибрагима салтана царя, велѣл донским атаманом и казаком Азовъ-градъ покинуть.

---

¹ экономом монастыря.